

Глава VI

Благодетельная болотная лихорадка. – Современный случай колдовства «хука-мелла». – Колдовство официальной науки. – Какая разница между гипнотизатором¹ и колдуном? – Случай в Париже и случай в Уттакаманде.

Nám tua rés agitúr, pariés cum próximus árdet².

Само собою разумеется, что чиновная или официальная Англо-Индия, равно как и все европейцы-скептики, не обращают внимания на трансцендентальные качества «психизма», как выразился бы Dr. Карпентер, тоддов и курумбов. Для них эти качества не существуют. Скептики или обходят всякий такой случай осторожным молчанием, или же в самых поразительных случаях относят загадочную смерть того, кто навлек на себя мщение колдунов, если это был европеец, к болотной лихорадке³; а когда жертвой является туземец, то непременно приписывают кончину *случайно лопнувшей селезенке*.

Мы уже имели случай упоминать об этом столь оригинальном в Индии органе. Если наука в Европе не успела еще определить достаточно ясно функций селезенки, то англо-индийские чиновники изучили ее в совершенстве. Селезенка играет у нас во всех подозрительных случаях скоропостижной смерти, особенно вследствие драк и когда победителем остается англичанин, такую же универсальную роль, какую во Франции играет в явлениях ясновидения *le grand boyau hystérique*⁴. Разрешая легко и быстро самые загадочные дилеммы в умах ученых Франции и судей в Индии, оба эти органа оказывают, таким образом, замечательные услуги человечеству. Недаром нильгирийские врачи с их вечною болотною лихорадкой так сердят почтенную мистрис Морган!

До какой степени доходит у судей презрение к истине и как легко человеку быть посаженным в Индии в тюрьму, если он туземец, видно из следующего случая, только что совершившегося в Галагхате⁵ (Ассам). Речь идет, конечно, опять о *колдовстве*⁶.

Какого-то брамина обокрали. Невзирая на все его усилия, он не мог найти ни вора, ни вещей. Тогда он решился прибегнуть к ворожке, известной в Ассаме под названием *хука-мелла*, или «самодвижущаяся палка». Он послал за известным в городе колдуном по имени Махидхар, который пришел к нему в дом и, вырезав на месте бамбуковую палку, стал на пороге дома и стал поджидать прохожих. В то самое время проходил по улице писарь комиссионера⁷, некто Рохпар. Он его подозвал и, объявив в чем дело, спросил: желает ли он помочь брамину отыскать его украденные вещи. Рохпар согласился и тут же взял в руки палку, над которою Махидхар только что произнес целый ряд заклинаний и мантр...

Не успел Рохпар дотронуться до бамбука, как им словно овладела какая-то сила. Он пустился бежать, крича, что палка приросла к его руке и что она тащит его. За ним, конечно, побежала большая толпа и обворованный брамин. Прибежав к небольшому *танку* (стоячая вода в большой цистерне), Рохпар прямо ткнул тростью в неглубокую воду и сказал: «Ройте здесь». Спустив воду, стали рыть и нашли часть украденных серебряных вещей. Ободренный успехом брамин пожелал найти остальное. Махидхар прочел снова свои заклинания над тростью и опять вложил ее в руку Рохпара. Та же сцена, то же неудержимое влечение вперед. На этот раз писарь побежал по другому направлению, к дереву неподалеку от дома брамина.

– Копайте здесь! – закричал он людям.

¹ гипнотизером (*фр.* hypnotiseur).

² Дело идет о твоём имуществе, когда горит дом соседа (*лат.*).

³ Этот род лихорадки не сваливает человека с ног до последней минуты. Болезнь проявляется в виде непрерывной деятельности неутолимой, палящей жажды. Больной, можно сказать, умирает на ногах. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

⁴ *истерия большой кишки (фр.)*.

⁵ Гувахати (*англ.* Guwahati).

⁶ См. *Assam News*, мая 29 1884. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

⁷ Комиссионер – торговый посредник, который продает и покупает товары от своего имени, но за счет и по поручению поручителя за оговоренное вознаграждение (комиссию).

Стали копать и, разрыв землю, нашли остальное. За сим полиция, вероятно, недовольная таким легким способом отыскания украденной собственности, при котором ей ничего не перепало, арестовала Рохпара и препроводила в полицию, обвиняя его самого в краже вещей. Его посадили в тюрьму по одному подозрению и, продержав предварительно несколько дней, повели в суд пред грозное лицо судьи, мистера Трайборна. Обвиняемый, конечно, не сознавался. В присутствии публики и всего суда он рассказал, как было дело: он говорил, что проходил мимо дома брамина, которого он не знал, и что согласился на опыт, даже не веря в него. Во всяком случае, говорил он (и очень рассудительно), будь он похитителем украденных вещей, он, конечно, никогда бы не пошел тою улицей и не согласился бы сделаться сыщиком. Затем он рассказывал, что, взяв *волшебную* палку в руку, он терял оба раза сознание; что не он нес палку, но сама палка увлекала его... и пр. Невзирая на то, что никто, кроме полиции, не являлся его обвинителем, а напротив, огромная толпа людей, присутствовавших при «хукка-мелле», показывали за него, да и сам его начальник ручался за него, судья, ярый материалист, приговорил несчастного юношу-брамина к тюремному заключению *на год и три недели!*

Он подал апелляцию в высший суд. Но мистер Лэтманн Джонсон⁸, новый судья, только утвердил приговор на том мудром основании, что если он нашел вещи не колеблясь, то, стало быть, знал наперед, где они находятся, а если знал, то нет ни малейшего сомнения, что «он или сам вор, или же укрыватель».

Таким образом, карьера бедного юноши испорчена навсегда, а материализм торжествует.

Само собой разумеется, что мы не верим ни в *волшебные* палки, ни в ворожбу в той форме, в какой она нам является в Индии вообще, а на Голубых горах особенно. Но мы верим в магнетическую силу, в ясновидение и сомнамбулизм. А веря в него, имеем право осуждать судью, который, отрицая *все*, не допускает возможности того мгновенно овладевающего человеком состояния, которое называется магнетизерами *état lucide*⁹. Во всяком случае, людей сажают *на год* в тюрьму за недоказанное преступление только в Индии.

Не думаю, чтоб я очень ошибалась, заявляя мнение, что полудикие курумбы владеют полным арсеналом той силы, которой только часть пока открыта учеными гипнотизаторами Сальпетриерского госпиталя и которая находится более или менее в распоряжении у магнетизеров. То же и касательно тоддов, сохранивших эту науку, которую, вероятно, их праотцы приобрели во времена глубочайшей древности.

Дело, впрочем, не в том, обладают ли или нет оба племени такую силу. Отрицать поголовно показание стольких незаинтересованных лиц, что как тодды, так и курумбы одарены «странною психическою силой», по выражению генерала Моргана, становится трудным, если не невозможным. Для нас, живущих в Индии, это вопрос давно решенный. Но теперь остается узнать: какая разница существует (кроме очевидных, с одной стороны благодетельных, с другой – убийственных результатов ее) между этою силой, как она проявляется у тоддов и как она заявляет себя у карликов. Затем, решив этот вопрос, сколько то будет возможно, придется выбирать между двумя родами дилеммы: отнести эту силу либо к одному, или к другому. Нам остается или верить в колдовство, или в возможность того, во что сама наука начинает верить.

В сведениях, собранных нами о тоддах и курумбах, есть много отдельных случаев, где выказывается открыто то, что мы называем месмеризмом, а теперь гипнотизмом. Если тодды лечат, как лечил иногда Гиппократ¹⁰ и древние иерофанты египетских храмов, действием солнца, пользуясь электрическим действием его лучей, при помощи магнетических пасс[ов] руками или животного магнетизма, то муллу-курумбы во время своих заклинаний и чар употребляют

⁸ Judge & magistrate Luttmann Johnson <<Судья и магистрат Лютманн Джонсон>> (Assam News). – Примечание Е.П.Блаватской.

⁹ Мы тем более верим в невинность Рохпара, что ознакомились в Индии с этим родом *колдовства*. У нас украли золотые часы и брошку, и они были найдены в тот же день девочкой пяти лет, к руке которой факир привязывал такую палку. Девочку привезли нарочно для этого из деревни, так как она *субъект, un sujet*. А факир, или *бава* (отец), не взял даже и вознаграждения. – Примечание Е.П.Блаватской.

État lucide (*фр.*) – осознанное состояние.

¹⁰ Гиппократ (ок. 460 – ок. 370 до н.э.) – древнегреческий врач и философ, «отец медицины».

положительно все приемы фессалийских¹¹ колдуний, сколько мы о них знаем из классиков. Они пользуются луною и ее вредными в известные времена года лучами, собирают травы и варят из них зелья, употребляют кровь, обладают, наконец, секретом, но вероятнее всего, врожденною у них, как у змей, способностью *очаровывать выбранную жертву взглядом*. Магнетизер делает то же. Разница между ученым гипнотизатором, который передает приказание *субъекту* мысленно и заставляет бедную, честную девушку совершать бессознательно непристойности словом и действием при публике¹², и курумбом, который, завладев хитростью доверчивым баддагом, заставляет его красть и учинять всякие другие преступления «как бы в припадке полного бессознания или опьянения»¹³, – разница, говорим мы, небольшая. Между образованным гипнотизатором-парижанином и колдуном муллу-курумбом мы ее находим только в степени.

Французу потребуется еще двести лет прежде, нежели он дойдет до *знания* муллу-курумба, до его искусства управлять по-своему мышлением и действиями слабейшего в сравнении с ним человеческого организма. Искусство архитектуры развивалось среди человечества тысячелетиями. Крот не учился в университетах, а подводные постройки бобра послужили людям моделью. Природа часто бывает самым мудрым из профессоров. Многие из произведений средневекового зодчества валяются зарытыми в пыли итальянских¹⁴ мостовых; стены циклопов стоят доселе не расшатанные...

Чтобы показать наглядно, до чего приемы европейца-«гипнотизатора» и курумба-колдуна схожи между собою и что в явлениях обоих действует *одна и та же* сила, приведу два примера: один – из научных опытов французского врача, другой – из наблюдаемых нами случаев на Нильгири. «Но то в Индии! – нам скажут. – В стране невежества и суеверия!» Так вот мы и начнем с примера, случившегося во Франции почти на наших глазах только прошлую весной и при многих свидетелях.

Во французских журналах, а затем и в шведских, в переводе, появилась чрезвычайно замечательная статья, за которой последовало несколько других, а затем приславший их в газету (кажется *Temps*) врач – замолк. Этот врач, магнетизер в Лилле, уже несколько лет делает замечательные опыты под руководством Шарко и других парижских светил. В своих опытах он дошел до того, что управлял усыпленным субъектом мысленно, то есть не выражая приказания громко, а просто задумав его или написав желание на бумаге и отдавая его на сохранение третьему лицу. По его уверению, он таким образом был в состоянии произвести следующее, еще невиданное явление, которое Шарко назвал бы *acte par suggestion*¹⁵, даже иногда не сейчас, а в какое угодно назначенное время, иногда чрез месяц, даже чрез несколько месяцев.

Он делал, например, следующее: стоя пред усыпленным субъектом, он или говорил ему тихо, почти неслышно, на ухо, или же просто повторял мысленно, или же, наконец, ради удовлетворения скептицизма приятелей записывал такую фразу:

«Чрез месяц (или чрез столько-то дней), такого-то числа и в такой-то час, я приказываю ему (субъекту) сделать то или другое». Следовало приказание и подробности его исполнения. Субъект просыпался, ничего не помня. Чрез месяц, такого-то числа и в означенный магнетизером час и минуте, чем бы субъект ни был в то время занят, он исполнял приказание буквально, с необычайною точностью и невзирая ни на какие препятствия. Он это делал машинально, сам не зная для чего, и хотя не знал за минуту до того, что он совершит то или другое, по совершении акта он смутно помнил все, хотя и не мог объяснить, почему он это именно сделал.

¹¹ Фессалия – исторический регион на северо-востоке Греции на побережье Эгейского моря.

¹² Мы лично видели это в Париже, а близкая родственница, посетившая Сальпетриер, вознегодовала было на двух учеников Др. Шарко, которые потешались таким образом над беззащитною больною девушкой. Это у них называется *actes par suggestion* <действия под внушением, фр.>. – Примечание Е.П.Блаватской.

См.: Желиховская В.П. В области оккультизма и магнетизма // Одесский вестник, 1884, №166, 26 июля; №172, 2 августа; №181, 14 августа; №184, 18 августа.

Вера Петровна Желиховская (1835–1896) – писательница и драматург, сестра Е.П.Блаватской.

¹³ *As though under the influence of trance or of a full intoxication* <Как будто под воздействием транса или полного опьянения, англ.> – слова из протокола по делу, которое рассматривалось в Кошагирском суде по обвинению баддага в воровстве. Баддаг приводит этот факт в свое оправдание. – Примечание Е.П.Блаватской.

¹⁴ итальянских (устар.).

¹⁵ *действие под внушением* (фр.).

Эти интересные, но и опасные опыты разыгрались драмой, а затем прекращены, кажется, надолго.

В С. жил, да и теперь еще живет, потому что все это случилось весной 1884 года, полицейский агент, *un agent de sûreté*¹⁶, как их зовут, знакомый врачу. То был здоровенный, толстый человек 35 лет, чрезвычайно набожный и вне служебных дел очень мягкого характера. Врач нашел в нем превосходного субъекта. Захватив бедного агента в свою власть, он совершал над ним всевозможные опыты. Вот что, согласясь наперед с приятелями, он, наконец, сделал.

Агент спал. Ни зажженные пробки, ни глубокие уколы булавками под ногтями, ни пистолетный выстрел над самым ухом не могли разбудить его. Словом, он находился в каталептическом¹⁷ состоянии. Тогда врач ушел с тремя приятелями в другую комнату, и один из них, написав на бумажке приказание, отдал его магнетизеру. Тот, вернувшись к субъекту, прочитал *pro se* написанное и мысленно приказал агенту совершить ровно чрез три недели, в два часа пополудни, следующее преступление:

«Вот малайский острый нож, – сказал он ему *мысленно*, подавая ему небольшую деревянную линейку. – Я его прячу в этот шкаф. Такого-то числа, в два часа пополудни, вы возьмете его, невзирая на замки и засовы. Вы отправитесь с этим ножом в публичный сад и увидите в (такой-то) аллее у седьмого дерева садовника, наклонившегося над цветником и поливающего растения. Вы подкрадетесь к нему незаметно и убьете его, вонзив этот нож три раза в спину жертвы. Затем вы возьмете лопату и, вырыв у корня дерева яму, зароете тело и отправитесь в полицию, где и расскажете своему начальнику о преступлении, но не выдавая себя, а взвалив его на немца-мясника, который, пока вы будете зарывать тело, будет стоять возле вас и смеяться...»

Агент проснулся, разбуженный врачом, конечно, ничего не помня. В какой бы ужас и негодование пришел добродетельный агент, если бы знал о данном ему поручении. В назначенный день магнетизер с хохотавшими заранее приятелями приготовился к ожидаемой сцене и поместился в комнате, где была спрятана в шкафу линейка. В назначенный день, ровно в два часа, бедный блюститель порядка находился на своей службе. Оставив свой наблюдательный¹⁸ пункт на улице, он *дезертировал*, по выражению его сурового начальника. Он, лучший из полицейских агентов, которого ставили в пример всем другим, учинил в тот же день преступление №1. Ровно за пять минут до двух часов на улице произошла драка. Когда прогудел второй удар на ближайших городских часах, он записывал в своем *carnet de police*¹⁹ имена буянов. К удивлению собравшейся толпы и двух буянов, которые уже приготовились, вследствие *procès verbal*²⁰, провести ночь в кутузке, агент мгновенно уронил свой *карне*²¹, вытаращил глаза и быстро, словно автомат, в котором завели ход, повернувшись на каблуках, пошел по улице и, поворотив за угол, исчез из глаз присутствующих. Все это совершилось так быстро, что когда, опомнившись от изумления, толпа бросилась за ним, то нашла, что его и след простыл. Агент исчез, и все решили, что он сошел с ума.

В эту самую минуту он входил в дом врача не в дверь, которую он нашел нарочно запертою, но в калитку сада, которую он, не задумавшись, выломал. То было преступление №2.

Войдя в комнату, где сидел магнетизер с приятелями, агент в своем глубоком гипнотическом состоянии даже и не заметил их. Он направился прямо к шкафу, где лежала линейка, в его воображении «малайский нож», и, найдя шкаф запертым, вынул железные клещи из кармана и сломал замок. Все это он делал автоматически, не торопясь, но и весьма быстро. Достав линейку, он спрятал ее под мундир и, озираясь во все стороны, как бы боясь быть замеченным, прокрался назад из дома на улицу. Это было преступление №3. Доктор с приятелями, конечно, последовали за ним и очень близко, так как он, очевидно, не замечал никого.

¹⁶ *сотрудник органов безопасности (фр.)*.

¹⁷ Каталепсия – состояние, когда человек находится как бы во сне, при этом у него снижается чувствительность к внешним и внутренним воздействиям.

¹⁸ наблюдательный (*фр. observation*).

¹⁹ *полицейский блокнот (фр.)*.

²⁰ *протокола (фр.)*.

²¹ *блокнот (фр. carnet)*.

Затем он пошел к означенному магнетизером публичному саду. Сад был полон *бонн*²² и детей; но та аллея, куда он направился для совершения *четвертого* и самого ужасного в этот день преступления, была к удовольствию четырех наблюдателей пуста...

Воображаемая драма делалась с каждым часом интереснее...

У входа в аллею агент остановился и стал считать деревья. Он находился в видимом затруднении. По мнению врача, мысль, переданная им агенту, не довольно ясно отразилась в голове субъекта: он не знал, на какой стороне аллеи ему следовало увидеть жертву. Но он колебался недолго. Не найдя того, что он искал на правой стороне, он стал считать деревья на левой и вдруг, нагнувшись, совсем прилег на землю. Он вероятно *увидал* садовника и приготовился убить его...

Он походил в эту минуту на дикого зверя, рассказывали очевидцы. Его обыкновенно доброе, честное и немного глуповатое лицо преобразилось. Его крепко стиснутые зубы и полуоткрытый рот, его широко открытые глаза, выражавшие, невзирая на их стеклянную неподвижность, нечто дикое, жестокое и решительное, – все это, взятое вместе, испугало своею реальностью экспериментаторов. Но их страх скоро перешел в ужас, когда их субъект стал разыгрывать с поразительною верностью действие воображаемого зверского убийства. Он стал подкрадываться к невидимому для всех, кроме его одного, садовнику тихо и осторожно, то припадая низко к земле, то выпрямляясь и делая огромные прыжки. Наконец, он достиг означенного дерева и, вынув линейку из-за пазухи, ринулся на жертву и вонзил линейку три раза в воздух. Нагнувшись как бы над телом, он долго смотрел на него, вытирая все время линейку от крови, которая для него была такую же, вероятно, реальностью, как и он сам для наблюдавших за ним.

Словом, он исполнил до малейших подробностей задуманную врачом драму. Вырыл воображаемую лопатой воображаемую яму и зарыл в ней несуществующее тело. Потом он вышел из сада и пошел по направлению полицейской префектуры. Но тут драма оборвалась, и эпилог не мог быть разыгран. Он встретился лицом к лицу со своим начальником, которого, впрочем, не узнал. Комиссар, видя, что он не обращает на него внимания и не отвечает на его зов, позвал двух полицейских и велел его арестовать. Но тут проявилась во всей своей ужасной реальности сила месмеризма, гипнотизации, колдовства, назовем это как угодно. Агент одним взмахом руки далеко отбросил от себя двух товарищей, бывших гораздо сильнее его, и продолжал идти вперед так же спокойно, как бы его ничего не останавливало. Тут к счастью подоспел доктор-магнетизатор и остановил руку комиссара, который уже собирался стрелять в бунтовщика-агента из револьвера. Он его умолил подождать несколько минут.

Подбежав к субъекту, он в несколько пасс[ов] окончательно вывел его из гипнотического состояния. Но на нем лежала более трудная обязанность: спасти агента от серьезных последствий, убедив его начальника, что он действительно находился в продолжение этих двух часов в состоянии невменяемости, что он, словом, совершил между другими воображаемыми преступлениями ряд проступков против службы бессознательно и должен быть прощен в силу этого.

В этом-то и состояла трудность и вместе торжество месмеризма. Опытный гипнотизатор вышел великолепно из затруднения. Производя над агентом, что называется на языке магнетизеров *passes contraires*²³, он приказал ему помнить даже наяву его инструкции. «Помните, – приказывал он ему мысленно, – вы должны свалить на мясника преступление. Покажите вашему начальнику орудие смерти – малайский нож. Вы знаете, как и все знакомые мясника, что этот нож его собственность».

Затем произошла драма-комедия. Совершенно очнувшийся *sieur*²⁴ А. (агент) вдруг огорошил собравшуюся публику формальным донесением начальнику, что он оставил свой пост для предупреждения преступления, но, к сожалению, явился слишком поздно. Прибежав в сад, он нашел там мясника над телом несчастного садовника и успел вырвать у него один нож, который он и имеет честь представить начальству.

²² Бонна (фр. *bonne*) – воспитательница маленьких детей в семье.

²³ *противоположные пассы* (фр.).

²⁴ *господин* (фр.).

И вынув линейку, он ее серьезно и торжественно подал комиссару. Тот, конечно, как и все присутствующие, зная, что «*ce malheureux*»²⁵ никогда не пил, тут же решил, что он сошел с ума.

Тогда врач и его три приятеля выступили вперед и, прося начальника повременить [с] приказаниями, стали укорять агента во лжи. «К ужасному преступлению, – говорили они, – вы присоединяете еще худшее: клевету на невинного человека. Это вы сами убили садовника. Мы следили за вами, мы видели, как вы троекратно вонзили в его спину этот ужасный малайский нож... Покайтесь лучше, сознайтесь в вашем преступлении... Это одно может облегчить вашу участь».

Теперь ни комиссар, ни все увеличивающаяся толпа ровно ничего уже не понимали. Они сочли их одну минуту всех сумасшедшими...

Но что должен был почувствовать начальник, когда его любимый агент, упав пред ним на колени, громко покаялся предо всею толпой в своем ужасном преступлении. Комиссар, говорят, побледнел и кончил тем, что поверил. Он приказал «преступнику» вести себя на место убийства, что тот не колеблясь и сделал, повторив еще раз, что он зарыл тело под деревом и что это видел мясник, на которого он поэтому и пожелал свалить вину...

«*Malheureux! Malheureux!*» (несчастный), – повторял его начальник на все лады, когда врач, подойдя, объяснил ему галлюцинацию его агента. Тогда комиссар страшно рассердился и не поверил. Только тогда, когда, разогнав толпу, он отправился с несколькими полицейскими на «место преступления» и увидел, как агент все еще под влиянием галлюцинации указал ему на нетронутое место под деревом, уверяя его, что «вот кровь... а вот и труп», и как затем он выходил из себя, не понимая, почему другие не видят трупа, комиссар понял, что это не шутка врача, но что под нею кроется нечто более серьезное, нечто действительно ужасное, хотя он и не может еще понять, как это все случилось. Когда агента спросили, притворяясь, что верят ему, почему он, честный, заслуженный сержант, совершил такое страшное, бесполезное преступление, то он отвечал, опустя голову, что *не знает*. «Меня влекла непреодолимая сила, – говорил он. – Сила, которой я был не в силах, не в состоянии противиться и которая заставляла меня думать и чувствовать, что я поступаю прекрасно, что так и должно быть сделано». Когда ему кто-то напомнил о старухе матери, у которой он был единственным сыном, агент горько заплакал, но продолжал видеть пред собою зарезанный им труп и равнодушно толкал его ногой...

Это продолжалось, пока не позвали якобы убитого садовника. Когда тот подошел к нему и спросил, почему он клеветает на себя, агент упал без чувств.

– Это ничего, – повторял смущенно врач, – я его сейчас повергну в новый сон и прикажу ему забыть все происшествия этого дня... Поверьте, от этого не останется никаких печальных последствий...

Но он ошибался. Когда агент пришел в себя, то в нем явились все признаки белой горячки. Он пролежал в больнице три месяца и только недавно выписался из больницы. Из добродушного, веселого и здорового малого он сделался болезненным скелетом, пугливым, нервным и подозрительным... По словам рассказчика, барона дю-Г***, очевидца всей этой драмы, *l'impression fut telle que la mort seule pourrait l'effacer du cerveau du pauvre diable*²⁶!

Между мщением комиссара, да и всей полиции, нареканием клерикалов и архиепископа, видевших в такой силе одного человека над другим козни дьявола, бедному врачу пришлось плохо. Он увидел себя вынужденным оставить родной город и переехать в Париж. Рассказывают, будто бы публикация этого происшествия была задержана стараниями клерикалов и полиции – *pour l'honneur du corps*²⁷.

Но это не помешало странной истории всплыть на свет Божий. Ее перепутали, изменили подробности и стараниями заинтересованных лиц сделали жандарма из полицейского агента, а из публичного сада Лилля – больничный сад в Париже. Но если бы даже пришлось нам довольствоваться официальным и немного сглаженным донесением²⁸, то и этого было бы

²⁵ «несчастный» (фр.).

²⁶ впечатление было такое, что только смерть сможет стереть все это из мозга бедняги (фр.).

²⁷ ради корпоративной чести (фр.).

²⁸ См. *Journal of Medicine* (за август, Лондон); *New York Home journal* (август 1884) и лондонские журналы. – Примечание Е.П.Блаватской.

слишком достаточно для нашего сравнения. Газеты, рассуждая о происшествии и приводя много других чудес гипнотизации, произведенных известным врачом в Париже под наблюдением Ж.Б.Корреа (*Korraea*), упростили рассказ. «Жандарма привели в сон, – говорят они, – и доктор приказывает ему (слово в слово, как показано нами) совершить преступление. Жандарм просыпается, схватывает линейку и прокрадывается в сад; но мы следим за ним из окна и видим, как он подходит к дереву» и пр. и пр. Вернувшись в комнату доктора в клинике, он начинает кричать: «Арестуйте меня!.. Я убийца и подлец!.. Я запятнал свою доселе непорочную жизнь напрасным и зверским убийством. Я зарезал человека!..» «Зачем же вы это сделали?» «Не знаю, меня что-то побуждало. Он мне ничего не сделал, но смотрел на меня (то есть дерево) с вызывающим видом. У меня был в руке нож (линейка) и я вонзил его ему в спину... Я слышал, как он заскрипел на его ребрах! Спасите меня, спасите!» И жандарм упал без чувств.

Барон Г*** был свидетелем всего происшествия; он был одним из приятелей врача, которые присутствовали при этом деле от начала до конца. Очевидно, полиция не желала, чтобы такой скандал, учиненный хотя бы и в бессознательном состоянии одним из «своих», появился полностью во всех газетах. Вследствие этого и явилась маленькая перемена декораций.

Но если дело было даже и так, как его рассказывают газеты и сам Ж.Б.Корреа (а мы видали чудеса еще удивительнее этого), все-таки какая же разница между такою властью гипнотизатора и колдовством?

В параллель к этому мы опишем чары одного муллу-курумба над мальчиком, которого мы лично знали на Голубых горах, а затем попросим сравнить.

Между Коттагири и Утти живет семейство евразиев, людей довольно зажиточных. Оно состояло несколько лет тому назад из старухи-матери, двух сыновей и сироты-племянника, воспитанного с колыбели старухой в память ее младшей умершей сестры.

Старуха, г-жа Симпсон, была женщина добрая и очень набожная. Сыновья служили в канцелярии губернатора, а мальчик, которому было тогда лет одиннадцать, ходил в школу миссионеров. Говоря другими словами, после полудня он был совершенно свободен и делал, что ему хотелось.

Как и всех детей на здоровых живописных горах Нильгири, его оставляли бродить одного по аллеям и чащам «города» по собственному усмотрению. Утти – город только на картах Мадраса; в европейском смысле это город только по имени. Кроме маленького туземного квартала в большом провале, на дне которого тянутся двумя рядами деревянных сараев базар и лавки, а кругом, по крутым бокам провала, лепятся, будто гнезда ласточек, туземные лачуги, в Уттакаманде нет ни одной улицы. Там есть великолепная ратуша, собор, больницы, клубы и даже магазины в летнее время, но улиц все-таки нет. Дачи, коттеджи, виллы разбросаны оазисами как попало; на неровной поверхности сотни небольших и высоких холмов, густо покрытых большими деревьями, а местами заросших настоящим лесом. Здания построены обыкновенно у подошвы холма или большой скалы для защиты от ветра среди огромных садов, парков и плантаций, отгороженных от дорог живою изгородью. От задов частных зданий тропинки ведут часто в почти непроходимые чащи на склоне соседней горы, куда редко заходит нога европейца.

По вечерам и ночью довольно опасно пешему выходить из дома, особенно без оружия, и переходить эти чащи. Неожиданная встреча с леопардом, а иногда и с тигром, не говоря о свирепых диких кошках, удерживает дома всех, кто живет далеко от расчищенного центра города или не имеет экипажа.

Дом старухи Симпсон находился далеко от главных аллей Утти и как раз за домом начиналась такая чаща. Мальчику было запрещено ходить в нее. Но он страстно любил птиц. У него был целый сарай, освещенный большими окнами и уставленный кадками с растениями, превращенный им в птичник. Там у него находились всевозможные породы птиц, от попугаев до *колибри* Голубых гор, крошечного «*юй-му*». Не было только нильгирийской ласточки. Это маленькое желтое создание, чрезвычайно дикое и хитрое, летает очень высоко и его почти невозможно заманить в силки.

Однажды увлекаемый своею страстью, он забрел очень далеко от дома в самую глубь чащи. Пред ним прыгала с одного дерева на другое «ласточка», и он старался поймать ее. Так он пробегал за нею до заката солнца.

Если сумерек нет в долинах Индии, то в Утти, окруженном со всех сторон большими горами и скалами, переход от дня к темной ночи совершается почти мгновенно.

Увидя себя в густом лесу почти в совершенной мгле, мальчик испугался и поспешил домой. Но с его обувью случилось дорогой нечто, заставившее его сесть в первой просеке на камень и снять сапог. Пока он опорожнял его и разглядывал, стараясь найти уколотившую ему ногу почти до крови колючку, с дерева соскочила ему почти на голову дикая кошка. Тогда, видя как не менее его самого испуганный зверь с детенышем во рту оцетинился, приготавливаясь атаковать его, несчастный мальчик страшно испугался и закричал на весь лес. Но в ту же минуту две стрелы, вонзаясь в бок зверя, заставили его, выронив из пасти котенка, покатиться кубарем вниз в глубокий ров. Два курумба, грязные, полунагие, отвратительные, выскочив из засады, тотчас же овладели убитым животным и заговорили с мальчиком, смеясь над его трусостью...

Муллу-курумбы не диковинка в Утти. Их можно всегда найти на базарах. В то время как «медовые» *тейна*-курумбы никогда не приближаются к жилым местам, их братья «муллу» (курумбы *терновника*) как бы ищут сношений с белыми, между которыми они часто живут *аннами* и *пейсами* (копейками) за разную черную работу и услуги. Поэтому и маленький евразий вместо испуга почувствовал, напротив, благодарность к двум курумбам, так кстати избавившим его от когтей дикой кошки.

Он говорил на их языке, как и все евразии, родившиеся на этих горах. Боясь идти далее один, он уговорил их довести его до дому, обещая им рису и водки дома. Они согласились, и все трое отправились вниз. Дорогой он им рассказал о своем затруднении насчет ласточки, и курумбы обещали ему за небольшое вознаграждение заманить несколько птичек в его сети. Курумбы славятся своим искусством как охотники: они ловят так же легко малую птицу и зверька, как и убивают тигра и слона. Как звероловы они первые на горах. Они условились встретиться на другой же день в долине и идти на лов пташек. Словом, они подружились.

Вернувшись домой, мальчик рассказал тетке об услуге, оказанной ему карликами. Та дала им несколько медных монет и немного водки, но тотчас же отослала их. Старуха, как и все евразии, была очень брезглива относительно «негров» вообще. *Esprit fort*²⁹, она называла все рассказы о могуществе «колдунов» баснями; но ее отвращение к маленьким чудовищам, в этом случае весьма естественное, было очень сильно. Она запретила племяннику всякие с ними сношения, и мальчик, боясь потерять случай добиться, наконец, для своей коллекции желанного экземпляра птицы, не сказал ей поэтому ни слова о своем проекте охоты с ними на другой день.

Они встретились, и он вернулся в тот же вечер с парой желтых ласточек. Увлекаемый своею страстию к птицам и возбужденный охотой, бедный мальчик забыл в тот день всякое чувство отвращения, даже и не заметил, как часто его руки приходили в соприкосновения с руками курумбов, которые его несколько раз трогали. Под предлогом похвалы его клетчатому, яркого цвета пиджаку они проводили несколько раз по его спине. Бедный мальчик, он был еще ребенок. Имея до того времени весьма мало сношений с туземцами, которых его приучали презирать с малых лет как идолопоклонников и «негров», он, вероятно, и не слыхивал, до какой степени боятся опасных карликов те, чья кровь текла на пятьдесят процентов и в его жилах.

Здесь следует рассказать, как курумбы ловят птиц. Для поверхностного наблюдателя эта операция весьма проста и незамысловата. Для внимательного она представляет любопытное явление.

Карлик берет небольшую жердочку и, повертев ее в руках, словно полирует ее, он прикрепляет фула на два³⁰ от земли на первом попавшемся кусте. Затем он ложится в нескольких шагах оттуда на землю, спиною вверх и, устремив глаза на заранее выбранную им птицу, если она только скачет там, *где он ее может видеть*, курумб терпеливо ждет. Вот что рассказывает К.Бетлор, бывший не раз очевидцем такой *охоты*.

«В это время глаза курумбы принимают странное выражение... Я замечал такое же только во взгляде змеи, когда она, поджидая добычу, устремляет его на жертву, *очаровывая* ее, а также в глазах черных жаб Майсура. Неподвижный, стеклянный взгляд этот сияет словно внутренним

²⁹ *Атеистка* (фр.).

³⁰ 0,6 м.

холодным светом, притягивает к себе и вместе отталкивает. За несколько рупий один курумб согласился дозволить мне присутствовать при его ловле. Птица порхает и чирикает, беззаботная, веселая, деятельная. Вдруг она останавливается и точно прислушивается. Склонив голову набок, она остается несколько секунд неподвижной; потом, восторженно, видимо, силится улететь. Она иногда и улетает, но весьма редко. Обыкновенно ее словно что-то притягивает в очарованный круг, и она начинает бочком приближаться к жердочке. Ее перышки взъерошены, она тихо и жалобно пищит, а все же подвигается маленькими, нервными скачками... Наконец, она возле "очарованной" жерди. Одним скачком она перепрыгивает на нее и – судьба ее свершилась!.. Она уже не может сдвинуться с жерди и сидит на ней точно приклеенная. Курумб бросается на бедное очарованное создание с быстротой, какой позавидовала бы любая змея; дайте ему только несколько медных грошей вдобавок условленной плате и он пожрет птицу живую на месте, с когтями и с перьями!..»³¹

Таким образом, двое курумбов поймали пару желтых ласточек для маленького Симпсона. Но они *поймали* вместе с этим и самого мальчика. Один из курумбов «очаровал» его, как очаровывал птиц. Он завладел его волей, стал управлять помышлениями, сделал из него положительно бессознательную вещь, которою и орудовал по воле, как гипнотизатор полицейским агентом. Вся разница между двумя процессами состояла в том, что доктор начинал с видимых пасс[ов], употреблял научный метод магнетизации. Курумб не делал ничего подобного: он, вероятно, только *поглядел* на него во время ловли, *дотронулся* до него.

С того дня с мальчиком произошла видимая перемена. Он сделался скучен, вял, перестал играть и бегать. Здоровье его не изменилось и аппетит оставался здоровым; но он как будто постарел на несколько лет, и домашние часто замечали, что он ходит точно во сне. Скоро в доме стали пропадать серебряные вещи, ложки, сахарницы, даже серебряное распятие, а затем и золотые вещи г-жи Симпсон. Между домашними поднялась тревога. Несмотря на все предосторожности и старание поймать вора, вещи пропадали одна за другою из крепко запертого шкафа, ключ от которого никогда не покидал старухи... Полиция, к которой обратились, оказалась бессильною напасть на след вора. Подозрение падало на всех и не могло остановиться ни на ком. Прислуга в доме была старая и госпожа Симпсон ручалась за нее, как за самое себя.

Однажды вечером, получив из Мадраса пакет, в котором было тяжелое золотое кольцо, старуха, спрятав его в железный шкаф и положив ключ от него под подушку, решила не спать всю ночь. Для бóльшего успеха она даже отказалась выпить свой обычный стаканчик пива на сон грядущий. Она уже замечала некоторое время, что выпив его, она как бы тяжелела и тотчас же засыпала.

Мальчик спал в чуланчике возле ее спальни. Часа в два пополуночи дверь из чулана отворилась и при свете ночника она увидела входившего племянника. Она чуть не спросила громко: что ему нужно, но разом спохватилась и со страшным замиранием сердца притаила дыхание. Он действовал точно во сне. Глаза его были широко раскрыты, а лицо имело, как она рассказывала на суде, выражение суровое, почти зверское. Он прямо подошел к ее кровати, тихо вынул ключ из-под подушки, так тихо и ловко, что она скорее видела, нежели чувствовала его руку под собою. Затем он отпер шкаф, пошарил в нем, запер, снова возвратил ключ под подушку и ушел в чулан.

Таково было присутствие духа у госпожи Симпсон, что она осталась неподвижно после этого несколько времени. Ее любимый племянник, ребенок – вор! Но куда же он девает украденные вещи? Она решила ждать до конца и узнать тайну во всей ее полноте.

Тихо и быстро одевшись, она заглянула в чулан. Племянника там не было, но дверь во двор была отворена. Последовав за ним по горячим следам, она тоже вышла и увидела его мелькающую тень у птичника. Ночь была лунная, светлая. Она ясно заметила, что нагнувшись у окна, он что-то зарывает в землю. Тогда она решила ждать до утра. «Мальчик – лунатик, – подумала она, – вероятно, и все остальные вещи там найдутся. Будить его и пугать теперь напрасно»...

³¹ Бетлор – известный охотник в Мадрасе, родом канадец. Вместе с У.Девидсоном они путешествовали несколько лет по поручению Орнитологического общества. См. журнал *Stray Feathers*, издаваемый этим Обществом, и *Birds of India*. – Примечание Е.П.Блаватской.

Она вернулась к себе, но не прежде, чем убедилась, что ребенок тоже вернулся в свой чулан. Проходя мимо его каморки, она убедилась, что он спит крепко, хотя его глаза были так же широко открыты, как и тогда, когда он подошел к ее постели за ключом. Это ее изумило и страшно испугало. Она долго стояла над ним, но решение ее «ждать до утра» не покинуло ее.

На другое утро, призвав сыновей, она рассказала им подробно ночную сцену. Они отправились с нею к замеченному ею месту у птичника и скоро нашли свежеразрытое место. Но там ничего не оказалось. Очевидно, у мальчика были сообщники.

Как только он вернулся из школы, умная старуха, поняв, что, расспрашивая его, она, вероятно, ничего не узнает и только затруднит еще более раскрытие темного дела, приняла его по обыкновению, накормила завтраком и только зорко наблюдала за ним. Вставая по окончании завтрака, чтоб умыться руки, она сняла с себя кольцо и нарочно оставила его на столе. При виде золотой вещицы глаза мальчика загорелись и, полуотвернувшись, г-жа Симпсон ясно видела, как он быстро препроводил кольцо в карман. Затем он встал и равнодушно вышел из дому. Но тут с поличным она его остановила.

– Где мое кольцо, Том? – спросила она. – Зачем ты взял его?..

– Какое кольцо? – равнодушно отвечал мальчик. – Я не видел вашего кольца...

– Но оно у тебя в кармане, маленький негодяй! – закричала она, дав ему полновесную пощечину. И бросаясь на спокойно стоявшего мальчика, она вынула кольцо из его кармана и показала ему. Мальчик не сопротивлялся.

– Какое же это кольцо?.. – сердито спросил он ее. – Это горсточка золотого зерна... Я взял его для своих птиц... За что вы бьете меня?..

– А все серебряные и золотые вещи, которые ты украл у меня за эти два месяца, тоже только зерна по твоему, негодный лгун и воришка? Куда ты их девал?.. Говори сейчас или я пошлю за полицией!.. – кричала старуха в ярости.

– Никаких вещей я у вас не крал... Я никогда ничего не брал без позволения, кроме немного зерна и хлеба... для птиц...

– Где ты воровал зерно?

– У вас в шкафу... Но ведь вы сами позволили мне брать его. Такого золотого зерна нет на базаре, иначе я и этого бы у вас не просил...

Мистрис Симпсон поняла, что она находится лицом к лицу с какою-то непонятною для нее загадкой, со страшною тайною, разьяснить которую она не может, но что мальчик, – припадок ли то с ним безумия или хронического сомнамбулизма, – говорит лишь правду или то, чему он сам вполне верит...

Она догадалась, что сделала промах. Тайна далеко не разьяснилась. У мальчика должны быть сообщники и она их откроет... Она притворилась, будто ошиблась и сознает свою ошибку. Сердце ее обливалось кровью, но она довела свой опыт до конца.

– Скажи мне, Том, – начала она уже ласково, – ты не помнишь, когда я тебе дала позволение брать для твоих птиц золотое зерно из железного шкафа?..

– В тот день, когда я добыл своих желтых пташек, – объяснил сурово мальчик. – За что же вы побиили меня?.. Вы сами сказали мне: бери ключ у меня под подушкой, когда тебе нужно; бери золотое зерно, оно здоровее для твоих птиц серебряного... Ну я и брал... Да его уж и мало осталось там, – добавил он с сожалением, – а без него мои птички все умрут!..

– Кто это тебе сказал?

– Он, тот, кто поймал для меня пташек и помогает мне кормить их.

– Кто же этот он?

– Не знаю, – с усилием отвечал ребенок, потирая себе лоб. – Не знаю... Он, вы же его много раз видели... Он был здесь и три дня тому назад во время обеда, когда я взял на тарелке дяди серебряное зерно, которое он положил на нее для меня... Он сказал: бери; дядя кивнул мне головой, я и взял.

Мистрис Симпсон вспомнила, что в тот день, то есть за три дня до того, таинственно пропали со стола десять серебряных рупий, которые ее сын только что вынул, чтобы заплатить счет. То была самая таинственная, необьяснимая из всех случившихся пропаж.

– Кому же ты отдал зерно?.. Ведь вечером не кормят птиц...

– Я его отдал *ему* за дверь. *Он* вышел до окончания обеда. Да ведь [в] тот день мы обедали днем, а не вечером...

– Как днем, в восемь часов вечера разве день?

– Не знаю; но то было днем... ночи совсем не было... да ее давно уже нет!

– Господи! – заплакала старуха, всплеснув руками в ужасе. – Ребенок сошел с ума, он совсем обезумел!..

Но вдруг ее озарила мысль.

– Ну так возьми и это золотое зерно, – сказала она, подавая ему свою брошку. – Возьми и покорми птиц, а я посмотрю...

Мальчик схватил брошку и радостно побежал в птичник. Там, по рассказу его тетки, произошла сцена, которая убедила ее окончательно в расстройстве умственных способностей ее маленького племянника. Он бегал вокруг клеток и сыпал птицам воображаемое зерно. Многие из клеток были пусты. Вероятно, птицы часто кормились таким образом. Но мальчик, очевидно, не замечал отсутствия птиц; он *тер брошку* между пальцами, как бы ссыпая с нее зерно, говорил с несуществующими птицами, свистел им и радовался.

– Теперь, *aunt*y («тетя»), я отнесу остальное на сохранение *ему*... Он прежде велел зарывать остаток вот тут, под окном, но сегодня утром приказал принести ему туда... Только вы не ходите за мной... а то он не придет...

– Хорошо, мой друг. Ты пойдешь один, – притворилась старуха.

Задержав его под каким-то предлогом на полчаса, она послала тихонько от мальчика за базарным сыщиком и, посулив хорошую плату, приказала ему следовать незаметно за ребенком, куда бы он ни пошел.

– Если он что кому передаст, – распорядилась она, – то арестуйте того человека: он вор.

Сказано – сделано. Сыщик, призвав на помощь товарища, следовал целый день за мальчиком. Под вечер они увидели его идущим по направлению к чаще. Вдруг из-за кустарников выскочил уродливый карлик и поманил к себе мальчика, который направился к нему тотчас же, как автомат. Увидев, что ребенок *сыплет* ему что-то на руки, сыщики в свою очередь выскочили из своей засады и арестовали курумба с поличным в руках – золотую брошкой.

Курумб, впрочем, отделался несколькими днями ареста. Против него не было ни малейших улик, кроме брошки, которую мальчик, как он объявил, отдавал ему добровольно: по его уверению, «неизвестно, по какой причине». На суде показания маленького Симпсона, который бредил про «золотое зерно» и не узнавал курумба, оказались неподходящими. Во-первых, он был малолетний, а затем врач объявил его *неизлечимым идиотом*. Его свидетельство, как и спутанные показания г-жи Симпсон, которая знала лишь то, что ей говорил этот же невменяемый мальчик, пошли за ничто. Даже свидетельство сыщика, которое имело бы вес, так как он знал этого курумба за укрывателя украденных вещей, не могло быть заявлено. В день ареста сыщик заболел, а чрез неделю, за несколько дней до суда, он умер. Видно, «селезенка лопнула!» Его товарищ, поставленный на очную ставку с курумбом, которого он же помогал арестовать, клялся и божился, что не видал ничего и ничего поэтому не может сказать. Сыщик приказал задержать человека, он и помог задержать. Кроме этого, он не мог показать ровно ничего. Так этим история и кончилась.

Мы видели несчастного мальчика, которому теперь, впрочем, лет двадцать. Когда его нам показали, мы увидели толстого с отвислыми щеками евразия, который, сидя на скамейке за воротами, стругал палочки для клеток. Птицы все еще его преобладающая страсть, как и прежде. Он кажется умственно здоровым в отношении всего, кроме денег, золотых и серебряных вещей, которые продолжает называть «зерном». Впрочем, после того как родные отправили его в Бомбей, где он провел под присмотром несколько лет, и эта мания начинает у него проходить. Не проходит только одно: его неудержимое желание *брататься* с курумбами. Он находится хотя и на свободе, но под строгим присмотром родных.

Кажется, было бы лишним доказывать, что «одурение», насылаемое курумбами на человека, и «гипнотизация» французского врача одна и та же сила, пусть ее называют чем угодно.

Позволю себе закончить эту главу, напомнив читателю сказанное Вольтером³² в его *Dictionnaire Philosophique*³³.

«Свидетельство о чем-либо должно считаться достаточным, когда оно основано:

1) На большом числе рассудительных очевидцев, заявляющих единодушно, что виденное ими они видели хорошо.

2) Когда эти очевидцы здоровы телесно и умственно.

3) Когда они выказали себя беспристрастными в этом деле и безо всякого лицепрятия.

4) Когда они единодушно соглашаются.

5) Когда они серьезно подтверждают раз показанный факт».

Эти условия исполнены в нашем рассказе все до одного в отношении *чар* и *колдовства* муллу-курумбов.

Посмотрим, однако, будут ли наши показания, подкрепленные свидетельствами стольких беспристрастных очевидцев, приняты скептиками. Или же публика, за немногими исключениями, все-таки по своему обыкновению пожелает остаться, невзирая на всю философию Вольтера, *plus catholique que le pape*³⁴...

³² Вольтер (наст. имя Франсуа-Мари Аруэ, 1694–1778) – французский философ.

³³ «Философском словаре» (фр.).

³⁴ *большим католиком, чем сам папа* (фр.).